

Максим Горький

КРАСОТА

...Однажды мой приятель, сорокалетний хохол, всю жизнь игравший роль героя разных драматических коллизий, человек психически изломанный, всегда и ко всему относившийся с горьким скептицизмом, обременённый семейством в пять душ, с нервнобольной женой во главе, и работавший в управлении железной дороги чуть не двадцать часов в сутки за шестьдесят рублей в месяц, — однажды этот человек, которому, как видите, нелегко жилось, вошёл ко мне с такой улыбкой, какой раньше я никогда не видел на его смуглом, выразительном лице.

Всегда нервозный, всегда готовый оскорбительно острить над жизнью и людьми, поэт безнадёжности и суровый гонитель всяких грёз и мечтаний, которые он называл «телячьими сантиментами», он улыбался так мирно и радостно, так задумчиво и счастливо, что я предположил — наверное случился какой-нибудь переворот в жизни моего приятеля, — переворот, который облегчит его всячески стеснённую и трудную жизнь.

— Что случилось? — спросил я, сильно заинтересованный.

Он скользнул глазами по моему лицу, молча крепко тиснул мне руку, подойдя к дивану, лёг на него, закинув руки за голову, и глубоко вздохнул. Всё это было по меньшей мере странно и совершенно не походило на моего товарища. Он не был взволнован, скорее, он находился в том состоянии, которое зовут созерцанием и в котором так много чего-то очень близкого к полной утрате чувства бытия. Он лежал и, полузакрыв свои чёрные глаза, — обыкновенно холодные и недоверчиво прищуренные, а теперь мягкие и добрые, — как бы вспоминал что-то.

Моё любопытство всё более раздражалось его поведением.

— Ты откуда?

— Гулял... — однозвучно ответил он.

— С кем?

— Один...

— В горах?

— По городу...

Это решительно ничего не объясняло мне.

— Почему это ты такой... елейный?

Он строго и серьёзно взглянул на меня, должно быть, задетый моим насмешливым тоном, — взглянул и, отвернувшись к стене, просительно сказал:

— Оставь меня...

Я видел уже, что ничего не добьюсь от него теперь, и не расспрашивал его более.

Пролежав полчаса, он встал, всё такой же радостно тихий и задумчивый, и, подойдя ко мне, спросил:

— Ты завтра вечером — дома?

— Да.

— Пойдёшь со мной гулять?..

Я кивнул головой в знак согласия, ожидая, что вот сейчас он расскажет мне причины его необычайного настроения. Но он взял свою шляпу, небрежно кинул её на голову, в шапке чёрных волос, уже сильно оттенявших серебро седины, и ушёл таким же загадочным, каким и явился, оставив меня в недоумении и несколько раздражённым странностью его поведения. Оставшись один, я долго старался догадаться, получил ли мой приятель повышение по службе или наследство? Или же, наконец, он нашёл человека, согласившегося издать его книгу «О степени влияния среды и условий на интеллект человека» — труд пяти лет, злой крик человека, который, чувствуя себя разбитым жизнью, проповедовал безусловное подчинение её суровым законам?

Я остановился на последнем и успокоился на этой догадке. И когда, на другой день, мой хохол пришёл ко мне, я уверенно спросил его:

— Ну что, издаёшь, наконец, свою книгу?

— Книгу? А я решил уже сжечь её для пользы человечества. Что ты это вспомнил о ней?

— Ищу ключа к твоему настроению...

— Ага! Чёрт играет на струне твоего любопытства. Натянул я её крепко, э? Ну-ну, пойдём гулять...

Мы вышли с ним на улицу полуазиатского города, в котором происходило всё это, и тихо пошли по панели, направляясь к Авлабару, одному из предместий. Было душно, раскалённые за день солнцем камни мостовой и стены зданий дышали зноем, все запахи, присущие большим скопищам людей, неподвижно стояли в воздухе, и его не освежали ни вода, бежавшая по канаве рядом с панелью, ни тени от пирамидальных тополей, росших по обе стороны улицы. Они вздымали свои острые вершины выше крыш зданий и, позлащённые заходившим солнцем, стояли, точно два ряда громадных факелов. По улице шли толпы людей, направляясь в городской сад на берег Куры, единственное место города, где было прохладно и где едкая известковая пыль не слепила глаз и не набивалась в лёгкие. Отовсюду нёсся гортанный говор; скрипя дверями, армяне запирали свои лавки, вдали гремела военная музыка, грохотали арбы и телеги, проезжая по избитой мостовой; откуда-то с горы лилась непрерывным,